

М. Горький у окна вагона при приезде в Москву в 1928 г.

фото Союзфото.

Н. Б.

А. М. ГОРЬКИЙ В ГОРЬКОВСКОМ КРАЕ.

Тяжелые годы своего детства и отрочества Алексей Максимович Горький провел в Нижнем Новгороде. Его привезли в Нижний после смерти отца в 1872 году. Будущему писателю было 4 года, когда он начал жить у своего деда Каширина, владельца небольшой красильной мастерской, выбшившегося из бурлаков.

Детские годы не приносили радости. Горький видел вокруг себя бессмысленную жизнь, наполненную озорством и истязаниями. Будущий писатель почувствовал себя очень рано человеком взрослым. В детском сознании Горького не было и не могло быть тех впечатлений беспечного пребывания в жизни, которые были характерны для представителей дворянской литературы от Пушкина до Толстого. Горькому не пришлось даже кончить „Кунавинское начальное училище“, так как он должен был трудиться, добывая себе хлеб. Дед будущего писателя разорился и не мог содержать мальчика. Горький превратился из ученика в маленького нижегородского тряпичника. Он бродил по улицам и переулкам Нижнего, собирая в помойках и углах гвозди, бумагу и тряпки, а потом продавал собранное по гривеннику за пуд. Несмотря на то, что он очень усердно ходил в школу, она почти ничего не могла дать ему. Горький это очень хорошо понимал и, получив похвальный лист, выданный после успешного экзамена при переходе в 3-й класс, сделал поверх текста ряд надписей, в которых высмеивал школьные порядки.

Трудовая нижегородская жизнь Горького в первый период — это служба

в „мальчиках“ при магазине обуви, у чертежника, семья которого эксплуатировала мальчика в качестве дворника и помощника на кухне, а позднее — работа на положении грузчика-крючника, живущего на набережной Волги и кое-как добывающего пропитание. У Горького очень рано вспыхнуло огромное желание узнать мир. Он читал много книг, хотя семья чертежника, к которому Горький вскоре вернулся, и преследовала это занятие. Горький читал при свете луны, на чердаке или в сарае. Потом он начал читать по ночам на кухне.

„Огня мне не давали, унося свечку в комнаты, денег на покупку свечей у меня не было; тогда я стал тихонько собирать сало с подсвечников, складывал его в жестянку из-под сардин; подливал туда лампадного масла и, скрутя светильню из ниток, зажигал по ночам на печи дымный огонь.“

Когда я перевертывал страницу огромного тома, красный язычок светильни трепетно колебался, грозя погаснуть, светильня ежеминутно тонула в растопленной пахучей жидкости, дым ел глаза, но все эти неудобства исчезали в наслажденьи, с которым я рассматривал иллюстрации и читал объяснения к ним. Эти иллюстрации раздвигали передо мной землю все шире и шире, украшая ее сказочными городами, показывая мне высокие горы, красивые берега на ней“.

Интерес к жизни и тяжелая нужда заставили Горького уехать из Нижнего вниз по Волге. Он жил в Казани, Царицыне, потом перебрался в Борисоглебск, побывал в Тамбове, Рязани, Туле, Москве и вернулся к себе на родину, в Нижний, когда должен был явиться на призыв. Это было в 1888 году. Горький встретился здесь с политическими деятелями, высланными из Казани после беспорядков в университете, имевших место в 1887 г. Он поселился вместе с двумя „поднадзорными“— А. В. Чекиным и С. Г. Сомовым. Квартира этой „коммуны“ показалась жандармам явно подозрительной. Жандармы безуспешно пытались проследить, в чем выражаются практически идейные устремления „подозрительных“ лиц, в чем проявляются коммунистические начала их общегития. Слежка была затруднена тем, что Горький, Сомов и Чекин не держали прислуги, что они „не позволяли даже прислуге домовладельца г. Лика прибираться у них в комнатах“.

Начальник жандармского управления генерал Познанский считал, что Горький „представляет собой орудие, при помощи которого Чекин и, в особенности, Сомов распространяют или желают распространять в городе свои антиправительственные воззрения“. Генерал Познанский искал случая арестовать подозреваемых. После получения из Петербурга дела Сомова 12 октября 1889 г. жандармы ринулись разыскивать Сомова, устроили обыск на „коммунальной“ квартире, где Горький был подвергнут допросу. Согласно донесению жандармов, производивших обыск, Горький „держал себя... в высшей степени дерзко и даже нахально“. Он отрицал свою осведомленность в том, куда скрылся Сомов и, вследствие своего нежелания давать сведения о товарищах, был посажен в тюрьму. Он просидел в тюрьме около месяца, после чего был освобожден и отдан под негласный надзор полиции.

Продолжались годы страшного по своей тяжести труда. Горький работал на складе пива, служил в конторе водочного завода, развозил по домам баварский квас, писал свои первые стихи. Он привез с собой в Нижний поэму „Песнь старого дуба“ и решил, придавая большое значение своему стихотворчеству, показать рукопись В. Г. Короленко. Писатель исключительно человечно, мягко и ласково принял Горького. Он говорил ему о недочетах поэмы, детально разбирал перед ним недостатки его рифм и ритма, сделал убийственное для Горького-поэта заключение о непригодности вещи. Это в какой-то степени напоминает встречу Мопассана с Флобером. Горький, смутившись, ушел от Короленко и решил

Дом, в котором жил М. Горький в 1901 г.

„не писать больше ни стихов, ни прозы“. Он после этого в течение двух лет ничего не писал, хотя писательский зуд не покидал его. В это время положение Горького несколько улучшилось; он поступил на службу к адвокату Ланину, очень умному человеку, который помог ему понять некоторые вопросы литературы и жизни.

Пребывание в Нижнем на положении секретаря Ланина было связано у Горького с участием в кружках молодежи из „народников“ и „радикалов“, которые считали себя „политиками“, но которым не дано было свершить нечто значительное, и поэтому Горький чувствовал себя среди них не совсем удобно. „Мне было снова неясно,— пишет Горький,— почему интеллигенция не делает более энергичных усилий проникнуть в массу людей, пустая жизнь которых казалась мне совершенно бесполезной, возмущала меня своей духовной скукой, а особенно равнодушной жестокостью по отношению людей друг к другу“.

В Нижнем Новгороде Горький испытал волнения, печали и радости первой любви—к жене одного из интеллигентов, вернувшегося из ссылки. Это была Ольга К., о которой Горький писал: „я был уверен, что именно эта женщина способна помочь мне не только почувствовать настоящего себя, но она может сделать нечто волшебное, после чего я тотчас освобожусь из темных впечатлений бытия, что-то навсегда выброшу из своей души, и она вспыхнет огнем великой силы, великой радости“. После того, как К. не решилась оставить мужа, Горький ушел из Нижнего и начались его скитания по всей стране—на юге, в Крыму, на Кавказе. Эти путешествия впоследствии нашли отражение в целом ряде новелл Горького, которые были исключительно богаты жизненными впечатлениями. Именно они послужили началом блестящей литературной деятельности писателя. В 1892 году Горький печатает в одной из кавказских газет рассказ „Макар Чудра“, представляющий первую удачу, первый успех.

Уже в значительной степени сформировавшимся человеком Горький приезжает обратно в Нижний в конце 1892 года. Он снова работает у Ланина, но не оставляет мысли о литературной деятельности. 5 августа 1893 года газета „Русские ведомости“ печатает его рассказ „Емельян

Пиляй". При участии Короленко, под его руководством, Горький заканчивает ряд художественных рукописей, печатающихся в казанской газете „Волжский вестник“ и в журнале „Русское богатство“. В марте 1895 года, по совету Короленко, Горький переезжает на жительство в Самару, где начинает работать в качестве фельетониста под псевдонимом „Иегудиил Хламида“. В Нижний он возвращается в 1896 г., когда в городе открывается Всероссийская промышленная и художественная выставка — смотр достижений российского капитализма.

„Я приехал в Нижний,— пишет Горький,— и на меня, нижегородца, знающего город, как свои пять пальцев,— он произвел странное впечатление чистотой, которая еще год тому назад совершенно не была ему свойственна, новыми зданиями, скверами, сетью проволок, опутавших его главные улицы, по которым проложена линия электрической железной дороги и всей своей физиономией, благообразной, чистенько-умытой, утопающей в смешанном аромате свежерастворенной извести, асфальта, масляной краски и, конечно, карболовки.

...И невольно вспоминаются наши „волгари“, люди „по старой вере“, благочестивые, сытые, жестокие; люди, ворочающие сотнями тысяч, имеющие десятки барж и пароходов и обчитывающие своих рабочих на двугривенные; люди, от которых в будни пахнет дегтем, потом и кислой капустой и которые, надевая на себя в торжественных случаях вместо долгополых сюртуков и поддевок „цивильное“ платье, и в цивильном платье остаются кулаками и сквозь тонкий аромат духов Аткинсона — отдают скаредничеством, кислой капустой, потом, нефтью и всеми другими специфическими запахами истых волгарей“.

Горький-публицист от начала до конца своей газетной работы, во всех статьях, посвященных общественно-политическим вопросам выступал как обличитель капитализма. В силу цензурных условий это обличение было более или менее затушевано по форме, но всегда остро по содержанию, по своей общественной устремленности.

Во время публицистической деятельности в нижегородских газетах А. М. Горький накапливал материалы для своего произведения „Фома Гордеев“, романа о „хозяевах“ огромной страны, о старых и новых купцах, пронизанного протестом против азиатской эксплуатации рабочих на Волге и наполненного картинами нравов разнузданного и ханжеского купечества.

„Больше всего знаний о хозяевах,— писал Горький,— дал мне 96-й год. В этом году в Нижнем-Новгороде была Всероссийская выставка и заседал „Торгово-Промышленный съезд“. Я видел там представителей крупной промышленности всей России, слышал их жестокие споры с „аграриями“. Не все в их речах было понятно мне, но я чувствовал главное: это женихи, они влюбились в Россию, сватаются к ней и знают, что ее необходимо развести с Николаем Романовым“.

С 1901 года особенно усиливается наблюдение полиции за общественной и революционной работой Горького. Полицейские и жандармские чиновники, наблюдая за писателем, сталкиваются с трудностями раскрытия тех бесчисленных нитей, которыми Горький был связан с революционной интеллигенцией. Горький удачно совмещает помощь профессиональным революционерам в их работе с легальной общественной деятельностью. Наряду с организацией детских елок, на которых участвуют сотни бедных детей, наряду с огромной работой в просветительных обществах, библиотеках и т. д., Горький помогает в организации подпольных типографий, готовит воззвания и брошюры для сормовских рабочих. Растет его популярность среди трудовой интеллигенции и пролетарских масс, квартира писателя делается центром, который стягивает все лучшие силы Нижнего Новгорода. Горького арестовывают. Его сажают в первый корпус нижегородской тюрьмы, в камеру 4. Горькому пред'яв-

Кабинет М. Горького в 1923 году.

ляют обвинение по 250 статье Уложения о наказаниях, которая предусматривает привлечение к ответственности за „бунт против верховной власти“. Заключение авторитетного и популярного писателя в феодальный острог вызывает бурные, все увеличивающиеся протесты общественности. Лев Толстой, который в это время уже ознакомился с рассказами Максима Горького и знал его лично, требует от министра внутренних дел освобождения писателя. Управление нижегородского губернатора наполняют делегации интеллигентов и рабочих, — они обращаются к губернатору с решительными протестами против содержания писателя в тюрьме. После того как консилиум семи гражданских врачей, разрешенный губернатором под нажимом общественности, установил, что дальнейшее пребывание писателя в остроге грозит ему смертью, — Горький был освобожден из тюрьмы и посажен под домашний арест.

У полиции имелись данные о связи Горького с сормовским революционным движением, и в августе 1901 года начальник жандармского управления в докладе департаменту полиции сообщает: „представляется во всяком случае безусловно необходимым воспрещение ему (Горькому) пребывания в пределах Нижегородской губернии, как районе фабрично-заводском, где влияние его среди рабочих вообще может выражаться в форме весьма нежелательной для общественной безопасности и порядка“.

После этого министерство внутренних дел выносит постановление о водворении „Пешкова под гласный надзор полиции в Нижегородской губернии, вне Нижнего-Новгорода, в местности по усмотрению Нижегородского губернатора“, а 17 сентября 1901 года губернатор отдает распоряжение нижегородскому полицмейстеру в секретном порядке о том, что „вследствие отношения департамента полиции от 7-го сего сентября за № 121157... необходимо пред'явить извещение департамента полиции... проживающему в Нижнем-Новгороде литератору, нижегородскому цеховому Алексею Максимовичу Пешкову с распиской на извещении, об'явив ему при этом, что местопроживанием Пешкова под гласным надзором полиции определен ему город Арзамас“. Об этой высылке узнали не только в стране, но и в Европе. По этому поводу В. И. Ленин писал: „Европей-

ски знаменитого писателя, все оружие которого состояло в свободном слове, самодержавное правительство высылает без суда и следствия“.

Находясь в тяжелом положении в результате длительной болезни, Горький начал хлопоты о разрешении ему поездки в Крым для лечения. И на этот раз поднялась волна выступлений в защиту писателя. Правительство вынуждено было разрешить Горькому поездку в Крым. 7 ноября 1901 года Горький выехал в Ялту. Проводы его превратились в революционную демонстрацию. Вот что пишет по этому поводу А. И. Богданович:

„К пяти часам вокзал начал наполняться не столько пассажирами, сколько учащейся молодежью обоего пола.

... Зал густо наполнялся молодежью. Среди молодежи шныряли два жандарма, почуяв, повидимому, демонстрацию. Но их было только два. По случаю праздника архистратига Михаила (8 ноября), избранного патроном жандармов и городских, все блюстители порядка отправились ко всеобщей: некому было „тащить и не пущать“.

Но вот двое молодых людей, войдя в столовую, где сидел А. М. вместе с семейством и провожавшими, попросили его пройти в зал: собравшаяся молодежь хочет с ним проститься.

Когда он вышел, молодежь его плотно окружила, и какой-то реалист стал читать прерывающимся голосом адрес:

— Смелее, Ваня! — крикнули сзади. Голос чтеца окреп, и он твердо дочитал до конца адрес.

... По тогдашнему времени это был подвиг.

Пока читали адрес и пока А. М., поцеловавшись с оратором, коротко отвечал на его речь, из толпы то в одном, то в другом месте фонтаном взлетали ввысь прокламации, сложенные треугольниками, как салфеточки. Публика подбирала их, и жандармы полубопытествовали, но никаких шагов противодействия не предпринимали: видимо, были застигнуты врасплох.

Но кто-то из охранников догадался: преждевременно дан был первый звонок к отходу поезда; вслед за ним, с очень коротким перерывом, второй...

Поднялась суматоха. Толпа демонстрантов, увлекая с собой А. М., с пением „Отречемся от старого мира“ стала тесниться к выходу.

Екатерина Павловна и я, с детьми на руках, стали пробиваться туда же. Демонстранты с пением, тесно окружая А. М., прошли вдоль перрона до самого паровоза; затем, видя, что дальше идти некуда, повернули назад, и тут А. М. присоединился к своим и попал, наконец, в вагон.

Два жандарма стали около подножек.

А. М. обратился к демонстрантам с прощальными словами, но третий звонок заглушил его голос. Свисток — и поезд тронулся под крики:

— Да здравствует Максим Горький! Долой насилие! Да здравствует свобода!

Когда же демонстранты стали выходить с вокзала, то уже появился жандармский офицер и несколько жандармов. Их, надо думать, наспех отвлекли от молитвы к более житейскому делу, не терпящему отлагательства.

Они окружили демонстрантов и стали пропускать их в дверь по-одному, переписывая на всякий случай.

Демонстранты же, выйдя с вокзала, построились в ряды и, выбросив красное знамя, двинулись через Оку с пением революционных песен“.

После лечения в Крыму, избрания Горького академиком „по разряду изящной словесности“ и отмены этого избрания царским правительством, писатель прибыл обратно в Нижний и 5 мая 1902 года выехал в г. Аразамас. Аразамас представлял собой типичный уездный городок старой России, который дал Горькому исключительный по яркости материал для изображения всех гнусностей мещанского быта, всего, что называлось после горьковских произведений именем „окуровщина“. Таких городов, как Аразамас, было много. Горький в „Городке Окурове“ изображает тысячи уезд-

ных мешанских, грязных и скучных городов. Находясь в Арзамасе, писатель испытывает булавочные уколы полиции, постоянную слезку, к нему в окно заглядывает полицейский, когда находит нужным, но несмотря на все это, писатель не бросает творческой работы — он пишет пьесу „На дне“, создает замечательных „Мещан“, работает над рассказами и очерками.

Несмотря на то, что Арзамас был захолустным городом и над ним стояла вечная „тишина, поглощающая все, как смерть“, Горький и в этом медвежьем углу был связан с передовыми людьми тогдашней России. Он переписывался с писателями, у него гостили Леонид Андреев и Немирович-Данченко, с ним вместе жил сосланный Скиталец, он вел большую общественную работу. Горькому принадлежит инициатива создания народной библиотеки в Арзамасе. Он собрал там значительные фонды хороших книг, вносил деньги на строительство арзамасского водопровода (так как раньше жители пили испорченную воду), развернул большую культурно-просветительную деятельность.

К августу 1902 года царское правительство, убедившись в невозможности организации суда над популярнейшим писателем, так как суд мог вызвать беспорядки, прекратило дело о Горьком. 3—4 октября Горький выехал из Арзамаса после своей 5-месячной ссылки в „классическом“ городе уездной России.

В 1903 году спектаклем „Царская невеста“ Мея открылся драматический сезон в Народном доме, построенном по инициативе и под руководством Горького. Горький, мечтавший о народном театре, являвшийся видным драматургом, решил и в нашем крае внедрить культуру Художественного театра, где шли его „Мещане“ и „На дне“, и Народный дом явился проводником этой культуры. В воспоминаниях М. С. Нарокова рассказано о том, что в Народном доме работали молодые актеры МХАТа, режиссер МХАТа Тихомиров, художник Сапунов, который впоследствии прославился, как крупный творческий работник провинциального и столичного театра. Репертуар Народного дома был составлен из высококачественных пьес, хотя цензура тщательно просматривала его, многое запрещала и, главным образом, выступала против постановки в Народном доме пьес Горького, не желая, чтобы демократический зритель мог воспринимать пламенный революционный протест Горького.

Нижегородская библиотека находилась все время под неусыпным вниманием Горького. Писатель заботился о пополнении ее фондов, он хотел, чтобы книга была настоящим светочем разума для народа, для широких читательских масс. Горький помогал библиотеке и материально, и консультацией, и советом.

Горький не оставлял культурных работников нашего города без внимания и во все последующие годы. Существует огромная переписка писателя с людьми нашего края, до сих пор не освоенная, не изученная, имеющая большое политико-культурное значение.

Горький приезжал в свой родной город в 1928 году. Он посетил заводы „Красное Сормово“, „Красную Этну“, „Двигатель революции“, выступал на митинге сормовских рабочих. Последний приезд Горького состоялся летом прошлого 1935 года.

Изучение литературного наследия Алексея Максимовича Горького является исключительно важным делом. Популяризация его произведений среди рабочих и колхозников края, любящих незабываемого великого писателя, должна стать делом нашей чести. Первый классик социалистической литературы, выросший в нашем крае, — и как человек и как писатель — никогда не будет забыт. Имя Горького будет воодушевлять трудящихся на дальнейшую борьбу за коммунизм.